

Н.В. Елисеева

**ПЕРЕСТРОЙКА: СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ
РЕФОРМИРОВАНИЯ СССР**

Известно, что реформы второй половины 80-х годов, произошедшие в СССР по инициативе М.С. Горбачева, далеко не однозначно оцениваются современниками и не имеют историографической традиции в интерпретации. Поэтому так сложно и многословно объясняются и их причины, и их результаты, выразившиеся, в частности в разрушении единого с экономической, геополитической и других точек зрения государства. В контексте этих рассуждений возникают вопросы: насколько объективно обусловленным был горбачевский проект перестройки? каковы истоки реформаторских идей? Ответы на них, как представляется, следует искать в пространстве мировой и советской политической мысли, в той политической культуре, которая формировалась на протяжении второй половины XX в. под воздействием новых реалий существования человечества.

Еще в начале 30-х годов немецкий социолог К. Манхейм выступил с утверждением о том, что институты власти обусловлены культурной традицией обществ, и, например, демократию можно рассматривать как одно “из проявлений все пронизывающего принципа культуры”¹. Этот тезис разделяют многие ученые и политики. Связывая приоритет в развитии демократии, либерализма, толерантности в обществах с географическими, климатическими, ресурсными факторами, они подчеркивают роль культуры в определении параметров мирового развития во всех направлениях². Даже рыночные отношения, по мнению некоторых из них, имеют не “природную” мотивацию, а культурную³.

И сегодня вопросы о культурной обусловленности институциональных перемен, о культурных основах перерождения политических систем продолжают оставаться предметом дискуссии. Естественно, что этих дискуссий не избежать и при осмыслении истоков перестройки. Несмотря на массив имеющихся исследований и силу общественного

¹ Манхейм К. Эссе о социологии культуры // Манхейм К. Избранное. Социология культуры. М. — СПб., 2000. С. 170.

² См.: Семенов И. Глобализация и социокультурная динамика: личность, общество, культура // Общественно-политические силы России и Запада и проблемы глобализации. М., 2002. С. 45.

³ Там же. С. 46.

мнения как факторов, способствующих или препятствующих успешному реформированию России на всех этапах ее истории, роль социокультурных оснований остается нераскрытой. Поэтому, как нам представляется, культурно-ценностное измерение истоков реформаторства в СССР — это важная область анализа.

Исходный тезис состоит в следующем. Перестройка в СССР была вызвана не столько экономическим отставанием от развитых стран Запада, не столько сокращением производства и тому подобными факторами, сколько идеологическим обновлением, качественным перерождением политической культуры на всех уровнях советского общества под воздействием влияния на нее прогрессивной мировой мысли.

В свою очередь развитие прогрессивной мировой мысли было обусловлено новыми мировыми реалиями. После Второй мировой войны начались технические, технологические и информационные трансформации, называемые научно-технической революцией. Ее воздействие меняло условия существования государств, обществ, человека. Наступал новый этап в истории человеческой цивилизации. Коммуникативная реальность, особенно последней четверти XX в., становилась всеохватывающей, в ней не было места изоляционизму, географические границы перестали служить барьером для распространения знаний и вообще какой-либо информации. Образованное советское население активно включалось в обсуждение вопросов современности. Распространение “буржуазных идей” шло как по официальным каналам, так и нелегально. Вызовы времени вынуждали советское руководство вести активный диалог с Западом и не только с позиции силы, но и с позиции доброй воли.

Осознание связанности мира ставило перед советским руководством вопрос о гарантиях выживания, которые могли быть обеспечены только при рациональном отношении к мировой реальности. Потребность в знаниях вынуждала его стимулировать проникновение новых знаний в общество, прежде всего во власть. Руководство СССР было инициатором создания целой системы информационного обеспечения, начиная с научно-исследовательских институтов и сети издательств по переводу зарубежной литературы и кончая специальными службами. Именно эта новая система со временем приобрела самостоятельное от власти значение, послужила своего рода “кузницей” новых кадров, ориентированных на западные ценности, открытых идеям западной демократии, либерализма, прогрессивным теориям в разных сферах научного знания.

Тому, что партийная и государственная элита была хорошо знакома с проблемами, занимавшими мировую общественную мысль, есть множество доказательств. Достаточно, например, обратиться к той литературе, которая специально издавалась для государственной

и политической номенклатуры в СССР под грифом “Для служебного пользования”. В библиотеке Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) сохранился комплект не уничтоженных в свое время изданий переводной западной литературы. Даже по названиям⁴ можно составить представление о проблематике, которая оказывалась в поле зрения части советских политических и государственных управленцев. Количество этих изданий очень велико, а тематика чрезвычайно разнообразна и представляет сама по себе большую исследовательскую проблему по изучению проникновения западных мыслей в среду советской номенклатуры.

Критическая и аналитическая информация об СССР, о глобальных проблемах современности, сведения о достижениях в области науки и техники — все это “просвещало” значительную часть советского истеблишмента, способствовало разрушению стереотипов бюрократического сознания в недрах самой власти, содействовало формированию новых представлений о мире и развитии в среде политической элиты и в обществе, формировало реформаторское крыло в номенклатуре, сменявшее малообразованных партийных бонз. Под воздействием прогрессивной мировой мысли в СССР шло идейное перерождение представлений о сути и характере общественного развития. Не случайно Горбачев, анализируя собственную деятельность, обозначил вектор реформаторства именно в сфере идейного пространства, хотя, на первый взгляд, направление реформ в начале 1985—1986 гг. задавалось прежде всего экономической сферой: “Оказалось, что нам нужны были не только глубочайшие преобразования политических и экономических структур. Нужна была революция в умах, глубочайшая перемена в области мышления”⁵.

Каналы, по которым распространялись мировые прогрессивные идеи, были многочисленны: сеть научно-исследовательских институтов, которые активно сотрудничали с Западом; идеологические службы, обеспечивавшие информированность руководства; широкое культурное и техническое сотрудничество, которое расширялось на протяжении нескольких десятилетий. Примеров международных контактов на всех уровнях — великое множество. К середине 70-х годов взаимо-

⁴ Например: Кризис марксизма? Теория перед лицом “массового общества”. М., 1979; Великий вызов. Сравнительная энциклопедия. США—СССР. Вып. 1—3. М., 1969; Беседы о капитализме и социализме. М., 1985; Безопасность для Западной Европы. Альтернативная политика безопасности и военная политика. М., 1985; Семь сценариев будущего: На пути к сознательному построению истории. М., 1983; Глобальный прогноз на 2000 год: Вступая в XXI век. Доклад Президенту. Т. 1—2. М., 1983; Жизнь под угрозой ядерного оружия. М., 1984; Завтра война? М., 1982.

⁵ Горбачев М.С. Годы трудных решений. Избранное. 1985—1992. М., 1993. С. 5.

влияние СССР и Запада стало одним из главнейших факторов ревизии марксистско-ленинской идеологии⁶.

Если говорить о масштабах распространения прогрессивной мировой мысли, то они поистине велики. Огромный поток литературы, особенно последней четверти XX в., был посвящен абсолютно новым проблемам, возникшим перед человечеством⁷. Достаточно обратиться, например, к библиографии книги П. Кеннеди, вышедшей на русском языке в 1997 г.: она насчитывала несколько сотен самых разнообразных изданий, посвященных новым проблемам конца XX столетия⁸. В рамках этого тематического поля существует необозримое количество публикаций: официальные документы Организации Объединенных Наций, обращения различных ассоциаций ученых, заявления писателей, статьи публицистов, разработки политологов, заключения бывших военных и т.д. Основное место в этом потоке занимала литература о ядерной угрозе человечеству. Среди наиболее ярких можно назвать следующие источники: исследования ученых Гарвардского университета, заявивших, что “жить с ядерным оружием — это наша последняя надежда”; работу Г. Кана, призывающую человечество не мыслить всерьез о “немыслимом”, т.е. о ядерном сдерживании; книги Дж. Шелла “Судьба земли” и “Упразднение”⁹. Весь поиск мировой политической мысли, начиная с середины XX в., был сконцентрирован на идее преодоления кризиса человеческой цивилизации¹⁰. Именно понятие “кризис человеческой цивилизации” было сформулировано в трудах Римского клуба, ставившего перед собой цель “осознать мировую проблематику”, об этом писал и глава Римского клуба А. Печчеи¹¹.

⁶ Так, например, будущие вдохновители реформаторских идей Горбачева — А.Г. Аганбегян, Ю.А. Левада, Т.И. Заславская и другие — были участниками VII Международного конгресса по социологии, состоявшегося в сентябре 1970 г. Г.А. Осипов был избран на конгрессе в Исполком МСА, а Ф.М. Бурлацкий и Ф.Н. Момджян — в Совет МСА. Характерно и другое: конгрессу придавалось большое значение в социалистических странах и в СССР, к нему тщательно готовились начиная с 1968 г. (См.: Социология и власть. Сб. 2. Документы. 1969—1972. М., 2001. С. 13).

⁷ См.: *Плимак Е.Г.* Новое мышление и перспективы социального обновления мира // Вопросы философии. 1987. № 7.

⁸ См.: *Кеннеди П.* Вступая в двадцать первый век. М., 1997.

⁹ См.: *Олдак П.Г.* Социализм как мы его видим сегодня // Перестройка: гласность, демократия, социализм. Постигение. Социология. Социальная политика. Экономическая реформа. М., 1989. С. 279.

¹⁰ *Living with Nuclear Weapons.* Cambridge, 1983; *Kahn H.* Thinking about the Unthinkable in 1980s. N.Y., 1984; *Shell J.* The Fate of the Earth. N. Y., 1982; *Abolition.* N.Y., 1984.

¹¹ Ежегодник философского общества СССР. 1987—1988. Философия и перестройка. М., 1989; *Печчеи А.* Человеческие качества. М., 1980.

В качестве одной из главных в глобальной проблематике наряду с проблемой ядерного оружия была проблема достижения стабильности существования современных обществ, которая зависит от возможности всех народов в равной степени пользоваться плодами достижений мировой цивилизации¹². Мировая общественная мысль выдвигала тезис о том, что общества не могут быть прочными без системы социальной защищенности¹³. В мировой политической мысли на протяжении 60—80-х годов находил отражение и драматизм ситуации, порождаемой угрозой экологической и экономической катастрофы, снижения объема совокупного общественного продукта, роста нищеты, разрушения генофонда и т.д.¹⁴

Реагируя на тревоги мировой общественности, руководство СССР в 70-е годы начало давать свои ответы на вызовы времени. Так, в официальной советской печати заговорили об увеличении “возможности случайного, несанкционированного возникновения мировой войны”¹⁵; о катаклизмах, связанных с изменениями природной среды в результате человеческой деятельности. Тогда же начал формироваться новый взгляд на последствия ядерного противостояния между СССР и США в партийно-политической мысли. Например, в выступлении Л. Брежнева 18 января 1977 г. в Туле мысль о том, что Советский Союз стремится достичь военного превосходства над Западом, дополнялась идеей, что линия на дальнейшее наращивание вооружений не дает шансов на выигрыш в этой гонке никому¹⁶. На Западе эту идею называли “тульской линией”. Эта линия была развита на XXVI съезде КПСС. В июне 1982 г. Брежнев направил Второй специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН послание, в котором отмечалось, что ядерная война могла бы означать разрушение человеческой цивилизации, а может, и гибель самой жизни на Земле. Это давало основание полагать, что “среди высшей номенклатуры стала находить приверженность идея о том, что ядерная война лишена всякого смысла, что в ней не будет ни победителей, ни побежденных, что она грозит гибелью всему человечеству”¹⁷.

¹² См. подробнее: *Плимак Е.Г.* Новое мышление и перспективы социального обновления мира // Ежегодник философского общества СССР. 1987—1988. Философия и перестройка. М., 1989.

¹³ См.: *Коптюг В.А.* Конференция ООН по окружающей среде и развитию. Рио-де-Жанейро, июнь 1992 г. Информационный обзор. Новосибирск, 1992.

¹⁴ См.: *Моисеев Н.Н.* Человек, среда, общество: проблемы формализации описания. М., 1982; *Медоуз Д., Рендерс Й., Беренс В.* Пределы роста. М., 1991.

¹⁵ Вопросы философии. 1977. № 8.

¹⁶ См.: *Неженский Л.М., Чельшев И.А.* Проблемы внешней политики // СССР и холодная война. М., 1995. С. 72.

¹⁷ Там же. С. 75.

Таким образом, можно констатировать, что марксистско-ленинская теория, рожденная из доктринальных схем обновленного и несколько облагороженного сталинизма, начала наполняться новым содержанием, а это в свою очередь содействовало зарождению новой методологии научных исследований и вело к более объективным оценкам статистики и буржуазных экономических и политических теорий. Новое поколение ученых-обществоведов, экономистов-международников, социологов, историков, занявших со временем важные посты в науке и политике, имело принципиально новый ресурс для переосмысления реальности.

Входили ли в состав “горбачевского проекта” достижения прогрессивной мировой мысли? С первых месяцев прихода Горбачева к власти вопросы мирового порядка стали предметом специальных обсуждений на страницах советской печати¹⁸. В советской обществоведческой литературе перестала быть политической крамолрой идея, что чем далее, тем с меньшей определенностью выглядит идея торжества коммунизма. На пражской встрече-дискуссии представителей социалистических партий отмечалось: “Еще сравнительно недавно коммунисты считали, что XX век будет веком всемирного торжества социализма. Но теперь ясно: как бы ни было велико естественное для революционеров желание приблизить час победы, цель эта отодвигается в отдаленное будущее. Правда состоит в том, что мы недооценили способность капитализма приспосабливаться к новым условиям общего кризиса, его живучесть, и в то же время завысили в своих ожиданиях скорость, с которой может распространяться влияние социализма”¹⁹. В общественных науках, среди историков и философов интенсивно обсуждался вопрос об обновлении всего арсенала понятия “кризис человеческой цивилизации”²⁰.

Сам Генеральный секретарь неоднократно обозначал общемировые проблемы современности в своих выступлениях²¹. В них развивались идеи о кризисе человеческой цивилизации, о сложном положении в мире, о потребности новых решений мирового порядка. В начале 1986 г. в Политическом докладе Горбачева XXVII съезду КПСС — по существу, в первоначальном проекте перестройки, известном под названием “совершенствование социализма”, — были даны основные

¹⁸ Вопрос всех вопросов. М., 1985.

¹⁹ Единство в условиях многообразия. Коммунистическое движение: новые реальности, новые возможности // Проблемы мира и социализма. 1986. № 10. С. 46.

²⁰ См.: Плимак Е.Г. Новое мышление и перспективы социального обновления мира. С. 20.

²¹ Ответ М.С. Горбачева на обращение К. Лингвистона // Правда. 1986. 3 янв.; Ответы М.С. Горбачева на вопросы главного редактора газеты “Руде право” Зденека Горжени // Правда. 1986. 9 сент.

оценки современного мира, его проблем и источников прогресса. Ключевые фразы, употребляемые в докладе²², можно разделить на несколько смысловых групп:

1) Констатация опасностей для современного мира.

Примеры: “Изменения в современном мировом развитии настолько глубоки и значительны”; “Сможет ли человечество уйти от ядерной опасности?”; “Современный мир сложен, многообразен, динамичен, пронизан противоборствующими тенденциями, полон противоречий”; “Мир сложнейших альтернатив, тревог и надежд”; “Современный мир стал слишком маленьким и хрупким для войн и силовой политики”; “Никогда прежде наш земной дом не подвергался таким политическим и физическим перегрузкам”; “Мир, полный надежд, ибо никогда прежде люди не были столь всесторонне оснащены для дальнейшего развития цивилизации. Но и мир, перегруженный опасностями и противоречиями, побуждающими говорить о едва ли не самой тревожной полосе истории”.

2) Экологические проблемы.

Примеры: “Никогда человек не взимал с природы столько дани и никогда не оказывался столь уязвимым перед мощью, которую сам же создал”; “Загрязнение окружающей среды, воздушного бассейна и океанов, истощение природных ресурсов”; “Все отчетливее вырисовывается потребность в эффективных международных процедурах и механизмах, которые обеспечивали бы рациональное использование ресурсов планеты как общечеловеческого достояния”; “Решать общечеловеческие, глобальные проблемы силами одного государства или группы государств нельзя. Здесь необходимо сотрудничество в общемировом масштабе, тесное конструктивное взаимодействие большинства стран”.

3) Источники прогресса.

Примеры: “Противоречия... являют собой источник, движущую силу общественного прогресса”; “Прогресс нашего времени справедливо отождествляется с социализмом”; “Социализм — это реальная возможность, открытая всему человечеству, пример, устремленный в будущее”; “Прогресс... тесно связан с антиколониальными револю-

²² Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза. Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС т. Горбачева М.С. 25 февраля 1986 года // Правда. 1986. 26 февр.

циями, национально-освободительным движением, возрождением многих государств и возникновением десятков новых”; “Общественный прогресс находит свое выражение в развитии международного коммунистического и рабочего движения, в развертывании нового массового демократического движения современности, в том числе антивоенного, антиядерного”; “Он (прогресс. — *Авт.*) очевиден и в расслоении политических сил в капиталистическом мире”; “Прогресс человечества непосредственно связан и с научно-технической революцией”.

4) Роль НТР в разных общественно-политических системах.

Примеры: “Капитализм 80-х годов, капитализм века электроники и информатики, компьютеров и роботов выбрасывает на улицу новые миллионы людей, в том числе молодых”; “Он (капитализм. — *Авт.*) становится наиболее и уродливым и опасным чудовищем XX века, его усилиями самая передовая научно-техническая мысль переплавляется в оружие массового уничтожения”; “Социализм обладает всем необходимым для того, чтобы поставить современную науку и технику на служение людям”; “Научно-техническая революция (при социализме) не только открывает перспективы, но и повышает требовательность ко всей организации внутренней и международной жизни”.

5) Противоречия современного мира.

Примеры: “Группа противоречий связана с отношениями между государствами двух систем, двух формаций”; “В сочетании соревнования, противоборства двух систем и нарастающей тенденции к взаимозависимости государств мирового сообщества — реальная диалектика современного развития”.

Из представленных текстов следует, что основные оценки были сделаны вполне в соответствии с достижениями мировой политической мысли: опасность ядерного оружия, экологическая проблема, кризис и неразрешимость проблем военным путем. Одновременно в оценках причин, породивших кризис, присутствовала старая марксистская формула борьбы противоположностей двух общественно-политических систем — капитализма и социализма — и приверженность идее неизбежности наступления социализма и коммунизма. Замена ее на формулу “мир един, а противоречия решаются путем компромисса”, произошедшая в конце 1987 г. и представленная в книге “Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира”, означала переход реформаторов-горбачевцев к социал-демократическим ценностям.

Тогда и началась ревизия основных постулатов марксистско-ленинской теории в таком виде, в каком она была накануне реформ. Был признан факт, что на перспективах перехода от капитализма к коммунизму сказывается относительная изоляция коммунистических партий в наиболее развитых капиталистических странах, что “третий путь” развития коммунистической идеи (“еврокоммунизм”) продолжает разделять международное рабочее и коммунистическое движение. Было признано и то, что вопрос об отдаленности перспектив победы коммунизма в мировом масштабе деятели международного коммунистического движения ставили еще в конце 1969 г.²³ Таким образом, тезис “о неизбежности наступления коммунизма” был малоубедительным, хотя на начальном этапе перестройки он оставался как “знак” приверженности марксизму. В советской научной литературе констатировалось: “Мы не ошибемся, если скажем: в общем и целом возникает — коль скоро мы говорим об адекватном и конструктивном отражении марксизмом особенностей современного исторического периода — необходимость в создании теоретической модели длительного, *многовариантного* разноформационного и по возможности более гармоничного развития мира”²⁴.

На XXVIII съезде КПСС в июле 1990 г. Горбачев говорил уже следующее: “*Идеология социализма* будет формироваться в процессе включения страны в общий прогресс цивилизации. Именно поэтому самые широкие рамки для ее формирования определяются новым мышлением, которое уже воспринимается в мире как *новый шаг интернационализма, сплавляющий, а не раскалывающий мир на противоборствующие лагеря* (выделено мной. — Авт.)”²⁵.

Таким образом, обусловленность обновления политической культуры периода перестройки и ее кануна совершенно очевидна. Теоретически перестройка была подготовлена всем ходом развития политической мысли в СССР. Ее истоки — в той прогрессивной мировой политической культуре, которая формировалась на протяжении второй половины XX в. под воздействием новых реалий глобального характера. Один из авторов концепции перестройки и философии “нового политического мышления” А.Н. Яковлев, оценивая события 1985—1991 гг., писал: «Реформаторам перестроечной волны многое удалось сделать. Свобода слова и творчества, парламентаризм и появление новых партий, окончание “холодной войны”, изменение религиозной политики, прекращение политических преследований и

²³ Международное совещание коммунистических и рабочих партий. М., 1969.

²⁴ Плимак Е.Г. Новое мышление и перспективы социального обновления мира. С. 39—40.

²⁵ Материалы XXVIII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1990. С. 62.

государственного антисемитизма, возобновление реабилитации жертв репрессий, удаление из Конституции шестой статьи — о руководящей роли партии — все это совершилось в удивительно короткий срок — во время революции — Перестройки 1985—1991 годов. Это были сущностные реформы, определившие переход к новому общественному строю на советском и постсоветском пространстве»²⁶. С ним трудно не согласиться: сущность советского социализма обуславливалась в первую очередь идеологическими скрепами. Поэтому смена идеологии в конечном счете привела к распаду советской политической системы.

²⁶ Яковлев А. Сумерки. М., 2003. С. 29.

Т.В. Евгеньева, О.А. Молчанова

ПЕРЕСТРОЙКА ГЛАЗАМИ СТУДЕНТОВ

Нынешний год в политологическом сообществе был отмечен как год своеобразного юбилея. В этом году исполнилось 20 лет с того дня, когда Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев провозгласил новый политический и экономический курс развития государства, получивший впоследствии название “перестройка”. Указанная дата спровоцировала новые оживленные дискуссии о значении перестройки в нашей истории среди ученых-историков, политологов, а также представителей российской политической элиты. Материалы многочисленных “круглых столов” печатались в научных журналах и публицистических изданиях, выходили отдельными сборниками. Все это могло создать впечатление, что общество активно интересуется событиями двадцатилетней давности, ведет оживленные дискуссии об их положительных и отрицательных последствиях.

В рамках общероссийской научной конференции “Перестройка: 20 лет спустя”, организованной журналами “Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки” и “Политические исследования”, было проведено исследование, пытающееся ответить на вопрос: в какой степени проблемы перестройки реально интересуют современное общество? Целью исследования стало выявление сохранившихся в массовом сознании представлений об указанном периоде отечественной истории на базе анализа образа перестройки у молодого поколения россиян, не имеющего собственного опыта участия в событиях 1985—1991 гг.

Предложенная цель обусловила тот факт, что исследование проводилось по не очень широко применяемой при анкетировании методике, предполагающей получение ответов в основном на открытые вопросы. Это связано с необходимостью выяснить, какие факты и события этого периода знают и помнят представители молодого поколения. В связи с тем, что открытые вопросы плохо поддаются систематизации при большом количестве респондентов, было принято решение опросить ограниченное число молодых людей, являющихся членами некоторой общности.

В качестве такой общности были избраны студенты отделения политологии философского факультета МГУ, которые должны знать о политических процессах больше, чем представители других специальностей. Анкеты распространялись среди участников научной конференции “Ломоносов—2005”, т.е. среди наиболее активных в научном плане и заинтересованных молодых людей. Участие в конференции было предполагаемым условием выделения респондентов, наиболее подготовленных в области политологии. В результате опроса были получены 93 заполненные анкеты, что составляет 38% от общего числа студентов отделения политологии философского факультета МГУ со II по V курс.

В анкете содержались три блока вопросов, охватывающих соответственно причины и цели, результаты и основные акторы перестройки. За основу были взяты проблемы, которые предполагалось обсудить на заседании “круглого стола” в рамках общероссийской научной конференции “Перестройка: 20 лет спустя”. При этом нас интересовали не реальные цели, причины и результаты перестройки, а представления о ней молодых граждан России.

Представления о *причинах* перестройки (табл. 1¹) были условно разделены на две группы: объективные и субъективные. Среди *объективных* причин перестройки большинство (67%) опрошенных называли наличие кризиса советской системы, что в принципе соответствует стереотипному мнению. Сюда же можно прибавить тех, кто в качестве причин перестройки отметил объективную необходимость реформ (15%), а также неспособность советской модели ответить на внешние вызовы (18%), что тоже можно определить как объективную причину. К *субъективным* были отнесены указания на внешнеполитический фактор (Запад, США) — 22% (данные ответы попали в рамки теории заговора) или субъективные интересы “новых” молодых политиков — 17%. Таким образом, большинство респондентов признали, что

¹ Поскольку данный и ряд последующих вопросов были открытыми, то суммарно ответы респондентов не должны составлять 100%.

Т а б л и ц а 1

Представления о причинах перестройки

<i>Причина</i>	<i>Количество ответов, %</i>
Кризис	67
Экономический	52
Управленческий	20
Политический	22
Социальный	18
Идейный	13
Культурный застой	5
Неспособность советской модели ответить на внешние вызовы	18
Объективная необходимость реформ	15
Внешнеполитический фактор (противоборство с США, афганская война, снятие “железного занавеса”, влияние Запада)	22
Раскол политической элиты, приход “молодых политиков”, личностный фактор	17
Затрудняюсь ответить	3

перестройка отражала объективную необходимость в развитии советского общества.

Представления о целях перестройки (табл. 2) в целом соответствовали представлениям о ее причинах. Те, кто указал на объективные причины перестройки, соответствующим образом формулировали и ее цели — модернизацию политической системы и экономики для сокращения разрыва с Западом (56%), демократизацию социализма (22%), выход из кризиса (24%). На существование субъективных целей указали 19% студентов, причем если данные об удержании и укреплении власти новой элиты как цели перестройки (11%) коррелируют с ее причинами (17%), то готовность напрямую признать наличие заговора Запада против СССР выражена слабо. В полученных ответах только 8% респондентов оценивают цель перестройки как очевидно негативную (устранение СССР как геополитического игрока).

Следует отметить, что представления о причинах и целях перестройки в целом соответствуют общепринятым стереотипам. Они характеризуются размытостью, отсутствием знаний о конкретных событиях, условиях их протекания и т.д.

Еще более слабыми были представления респондентов об участниках перестройки и их действиях. В качестве главных политических акторов перестройки большинство смогли вспомнить только М. Горбачева (90%). Следующий игрок, Б. Ельцин, набрал 34%, больше

Т а б л и ц а 2

Представления о целях перестройки

<i>Цель</i>	<i>Количество ответов, %</i>
Модернизация политической системы и экономики для сокращения разрыва с Западом	56
Выход из кризиса	24
Демократизация социализма	22
Удержание и укрепление власти новой элиты	11
Ослабление СССР, устранение как геополитического игрока	8
Затрудняюсь ответить	2

10% пришлось на долю Э. Шеварднадзе, Е. Гайдара и А. Сахарова. Меньше 5% респондентов назвали А. Яковлева, Н. Рыжкова, Е. Лигачева, Л. Абалкина, Д. Язова, Г. Попова, Р. Горбачеву, В. Жириновского, А. Руцкого, а один человек — президента США Р. Рейгана. Это свидетельствует о случайном характере приобретенных знаний о периоде перестройки. В то же время среди активных участников перестройки были названы люди, которые заявили о себе в качестве политических акторов позже, — А. Чубайс, Г. Явлинский, А. Лившиц, Г. Селезнев (каждый менее 5%). Упоминался даже давно умерший к моменту перестройки Ю. Андропов, а также такие неперсонифицированные фигуры, как главы России, Украины, Белоруссии, на которых в ответе на первый-второй вопросы в этой же анкете возлагается ответственность за распад СССР. Это говорит о том, что ряд респондентов плохо представляет себе временные границы перестройки и включают в нее как предшествующие, так и последующие политические процессы.

Из политических организаций 30% респондентов смогли назвать коммунистическую партию. Менее 5% назвали такие реальные общественные организации, как диссидентские и национальные движения. Только один человек вспомнил Съезд народных депутатов. В то же время в ответах на этот же вопрос имелись абстрактные (США и Запад, оппозиция, гражданское общество, команда Горбачева, публицисты, спецслужбы, армия) или мифологические (предатели и силы закулисья) категории. Интересно, что 3 человека вообще затруднились дать ответ на данный вопрос.

Можно сделать вывод, что, оценивая причины и цели перестройки, респонденты в целом повторяли некие услышанные или прочитанные формулировки, плохо представляя себе те реальные политические силы, которые ставили и реализовывали названные

цели. При этом часть респондентов плохо различали собственно период перестройки (1985—1991 гг.) и более поздние реформы 90-х годов. Произошло сужение времени, где 5 лет перестройки и 10 лет ельцинских реформ объединились в один исторический период.

Плохо представляя акторов перестройки, респонденты тем не менее были готовы достаточно уверенно оценивать их действия (табл. 3). Менее половины респондентов (41%) считали, что цели перестройки были осознанными и просчитанными, и лишь 17% признали, что в рамках этой цели существовала некая продуманная стратегия. Иными словами, те, кто полагали, что у перестройки существовала некая осознанная цель, заявили при этом, что поведение ее участников в большей степени было подчинено ситуативным решениям (75%).

Т а б л и ц а 3

Представления о действиях акторов перестройки

<i>Вопрос</i>	<i>Варианты ответов</i>	<i>Количество ответов, %</i>
1) Согласны ли Вы с утверждением, что цель перестройки была осознанной и просчитанной?	Согласен	41
	Не согласен	56
	Затрудняюсь ответить	2
2) Согласны ли Вы с утверждением, что процесс перестройки являлся реализацией продуманной стратегии?	Согласен	17
	Не согласен	75
	Затрудняюсь ответить	4
3) Как бы Вы могли с точки зрения профессионального политолога оценить действия политических лидеров и политических институтов в период перестройки?	Действия были непрофессиональными и стихийными	68
	Действия были продуманными и обоснованными	15
	Действия были личастично продуманными, частично стихийными	11
	Блестящие действия по развалу страны	1
	Затрудняюсь ответить	4

При оценке действий акторов перестройки большинство респондентов (68%) оценили их как непрофессиональные и стихийные, что в целом коррелирует с ответом об отсутствии продуманной стратегии.

Ответы на вопросы о результатах перестройки условно можно разделить на три группы:

1) *условно позитивные*: плюрализм и многопартийность (38%); демократизация (31%); либерализация экономики (23%); гласность (13%); исчезновение биполярной системы (12%) и др.;

2) *условно негативные*: распад СССР (38%); ослабление роли и снижение авторитета России на международной арене (12%); экономический кризис, ухудшение жизни населения, обнищание народа (13%); социокультурный кризис (9%); политический кризис (5%); криминализация политической и экономической сферы (5%); межнациональные конфликты (2%);

3) *нейтральные*, которые нельзя было отнести ни к позитивным, ни к негативным ответам: трансформация политической системы (32%); трансформация социальных отношений (4%); изменение политической культуры населения (4%); приход Ельцина к власти (3%).

При этом можно выделить наиболее типичные ответы. Называя условно положительные результаты перестройки, большинство респондентов пользовались стереотипизированными пропагандистскими клише: демократизация, либерализация, гласность, плюрализм. Отрицательные результаты в ответах респондентов выглядят более конкретно: распад СССР, снижение авторитета России, экономический кризис и ухудшение жизни населения, криминализация и межнациональные конфликты. Таким образом, если представления о негативных результатах перестройки являлись в определенной степени продуктом собственных умозаключений респондентов, то в качестве позитивных назывались абстрактные категории, не предполагавшие глубокого понимания сути явления и не требовавшие специальных размышлений.

Из этого следовала и оценка респондентами соответствия результата перестройки ее целям. Наибольшее число оценок подобного соответствия находится в диапазоне от +1 до -3². Притом что положительные и отрицательные оценки в целом по количеству почти совпадают, среди положительных абсолютно доминирует (32%) оценка соответствия результата и цели как минимальная (+1). Такая средняя оценка в основном характерна для респондентов, наиболее абстрактно представляющих себе как цели перестройки, так и ее результаты.

Среди отрицательных оценок мы находим больше позиций -2 и -3, т.е. полного и почти полного несоответствия результата и цели. Другими словами, получилось, что человек, возможно, признающий некий позитивный результат перестройки, не считает, что такая цель была поставлена изначально, что еще раз подтверждает представление о стихийности, ситуативности и непродуманности действий политических акторов.

Хотелось бы выделить еще один аспект данного вопроса. При относительно небольшом числе высоких позитивных оценок соответ-

² Используемая шкала содержит оценки от -3 до +3.

ствия результата поставленным целям эти оценки были даны теми респондентами, которые в качестве целей указали развал или ослабление СССР. Т.е. если признать наличие данных целей у неких абстрактных акторов, таких как “Запад”, “силы закулисья” или “предатели”, то только эти цели, с точки зрения определенной части респондентов, были полностью достигнуты.

Итак, в представлениях о перестройке у студентов-политологов можно выделить четыре противоречия:

1) условный средний респондент признал наличие цели, причем отражавшей некую объективную необходимость, но (исключение составляет Горбачев) не представляет себе субъектов реализации этой цели;

2) в то же время он готов оценивать действия этих неизвестных субъектов в качестве плохо осознанной, плохо просчитанной и подчиненной ситуативным решениям стратегии. При этом результаты действий воспринимаются как случайные и плохо соответствующие поставленным целям;

3) условно позитивные результаты перестройки были сформулированы абстрактно, а условно негативные — очень конкретно. При этом чем более конкретен результат (распад СССР и снижение авторитета России), тем более абстрактен, мифологичен его субъект (Запад, предатели, силы закулисья);

4) если позитивно оцениваемые респондентом цели воспринимаются как не полностью достигнутые или недостигнутые вообще, то те респонденты, которые сосредоточили свое внимание на такой негативно оцениваемой цели, как развал СССР, ослабление и устранение России как ведущего геополитического игрока, считают, что именно эта цель была достигнута полностью.

В целом можно сделать вывод, что представления о перестройке у студентов-политологов не были результатом конкретизированных представлений о ее субъектах и процессах, которые происходили в указанный период. Массовое сознание не сохранило необходимой информации о перестройке, наличие которой позволило бы молодому поколению понять суть событий, происходящих в тот период, и сформулировать собственное обоснованное мнение. Воспроизводство стереотипизированных образов, связанных с перестройкой, свидетельствует об отсутствии широкого общественного интереса к этой теме.

Фактическое безразличие массового сознания к проблеме оценки места и роли перестройки в отечественной истории не способствует стремлению к получению более подробной информации о данном периоде молодым поколением, которое в основном вполне удовлетворено уже существующими стереотипами. В этих условиях дискуссии, активизировавшиеся сегодня в политологическом сообществе, лишь частично отражают потребности массового сознания, для которого вопрос о перестройке является в основном закрытым.